

УДК-321

DOI: 10.17072/2218-1067-2024-4-40-50

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА ГЕРМАНИИ В ПОЛИТИКЕ ПАМЯТИ ЧЕШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В 1989–2023 гг.

В. А. Гацковская

Гацковская Варвара Александровна, стажер-исследователь, научно-учебная лаборатория политической географии и современной геополитики,

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

E-mail: gatskovskaya10@yandex.ru (ORCID: 0000-0002-8536-3542. ResearcherID: HJA-8290-2022).

Аннотация

Исследование политики памяти как инструмента внешней политики является актуальным направлением политической науки. Анализируется политика памяти Чешской Республики в контексте ее отношений с ФРГ с 1989 по 2023 г. и выявляются основные этапы и причины ее изменения. На основе проведенного символического анализа корпуса текстов чешских политиков (речевых актов представителей исполнительной и законодательной власти) делается вывод о том, что от негативного восприятия Германии в качестве угрозы в 1990-е гг. и активного использования политики памяти в двусторонних отношениях образ прошлого чешско-немецких отношений перешел в область внутренней политики. Это объясняется преодолением травмы во внешней политике в области памяти, обусловленным как действиями Чехии, так и Германии. Сохранение же темы «немецкого» прошлого во внутренней политике связано с общей активизацией политики памяти и политики идентичности из-за того, что именно чешско-немецкое прошлое является одним из основных для чешской нации и позволяет чехам определять себя как самостоятельную нацию по отношению к другим. Актуализация же этого в конце 2000–2010-х гг. связана со стремлением Чехии повысить свою роль в европейском регионе.

Ключевые слова: политика памяти; историческая память; Чешская Республика; чешско-немецкие отношения; исторические символы.

Политика памяти как инструмент внешней политики государств может иметь рациональный характер, способствовать решению споров и проблем, реализации проектов разного масштаба и сложности, но может быть и ложным морализаторством, провоцирующим конфликты, опасную эмоционализацию межгосударственных отношений, отрицание настоящего ради прошлого. В основе политики памяти лежат определенные практики и дискурсы, воспроизводящие исторические символы и нарративы, с помощью которых государство влияет на формирование исторической памяти нации. Под воздействием ряда факторов – качества и идеологии правящих элит, событий настоящего, в том числе в мировой политике, угроз онтологической безопасности нации, проводимой государством политики соседств и других – эти символы и нарративы могут изменяться. Тогда историческая политика государства осуществляет разворот от дружбы и сотрудничества к агонизму и антагонизму или наоборот.

Политика памяти Чехии в 1989–2023 гг. в отношении Германии является примером такой реверсивной ситуации, что является редким для региона Центральной и Восточной Европы, где основой политики памяти выступает виктимизация себя и концентрирование на старых «травмах», проецируемое в современные двусторонние отношения.

Краткий экскурс в историю Чехии показывает, что она всегда испытывала сильное влияние Германии. До второй половины XII в Чехия находилась в зоне угроз, исходящих из Германской империи, и после небольшого периода борьбы за самостоятельность во второй половине этого же века попала под власть австрийских Габсбургов. В дальнейшем чехи были подвержены политическому и культурному влиянию немцев вплоть до XIV в. С этого времени из-за разногласия с Габсбургами Чехия попала под власть других немцев – Люксембургов, правящих в Священной Римской империи, за присягу которым получила также некоторую вольность – например, свободу от

принуждения участвовать в военных походах Империи. В том же веке Чехия на короткое время стала центром Священной Римской империи, однако в период междоусобиц и последующих гуситских войн тесные отношения с Германией были разорваны, вплоть до повторного попадания под власть австрийских Габсбургов в XVI в. (Tampke, 2002: 1–25).

Начало Тридцатилетней войны и подавление неудачного восстания против Габсбургов, после которого чехи лишились своей относительной автономии, подавление национального движения в 1848 г. также были связаны с правлением Габсбургов. Правящие круги Германии не рассматривали чешскую национальную идентичность как самостоятельную сущность. Неудивительно, что в межвоенный период XX в. антигерманские настроения были преобладающими в общественном сознании Чехии (Wingfield, 2000), а события, связанные со Второй мировой войной и германским фашизмом, оставили глубокую травму в чешском национальном сознании. Последующие за завершением войны декреты Бенеша, предусматривающие лишение гражданства и имущества всех, кто отказался от чехословацкого гражданства, и последующее выселение судетских немцев стали основой для сохранения антагонизма между странами (Kopstein, 1997), хотя вопрос границ был решен еще в 1973 г.

Пребывание Чехии вместе с ГДР в одном социалистическом лагере и одном военно-политическом блоке – Организации Варшавского договора (ОВД) – не повлияло на общее отношение чешского общества к Германии как к угрозе чешской идентичности, сохранявшейся даже в 1990-е гг., когда Чехия начала подготовку к вступлению в НАТО и ЕС, членом которых стала и объединенная Германия, что выражалось, например, в политической дискуссии вокруг судетских немцев. И только после вступления Чехии в ЕС и в НАТО Германия перестала быть для нее на уровне массового восприятия опасным врагом и стала исключительно союзником, что не может быть объяснено только их общим членством в указанных организациях.

Таким образом, можно увидеть, что Германия постоянно была для Чехии источником травм и угроз для существования чешской идентичности в целом. В таких ситуациях восточно- и центральноевропейские страны нередко сохраняют антагонизм в исторической политике, даже при союзничестве в других областях, как, например, в случае их отношений с Россией, отношений Венгрии и Словакии, в некоторой степени – отношений Германии и Польши. Однако в случае чешско-германских отношений все травмы кажутся преодоленными. Из этого следует ключевой вопрос исследования: каковы причины трансформации образа Германии в политике памяти Чехии?

Методология исследования

В основе методологии данного исследования лежит символический анализ, который проводится на основе корпуса текстов авторства чешской политической элиты за 1989–2022 гг.¹

О. Ю. Малинова и А. И. Миллер предложили анализ политики памяти как части символической политики – «публичной деятельности, связанной с производством различных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование в публичном пространстве» (Малинова, Миллер, 2021: 16). Символическим репертуаром памяти в их интерпретации выступают образы, нарративы, знаки в социокультурной инфраструктуре. При этом именно властвующие элиты обладают основным ресурсом для изменения репертуара используемого прошлого и, следовательно, перестройки «инфраструктуры» коллективной памяти (Малинова, 2014: 141–142).

Однако традиционные подходы к политическим символам и символической политике в целом предполагают уделение основного внимания именно коммуникации, например, символическим актам – действиям, направленным на символы (Edelman, 1960), или пониманию символической политики, где действие само представлено как символ (Поцелуев, 1999).

На наш взгляд, символы как составляющие исторической памяти необходимо анализировать через призму коммуникации и языка, поскольку именно речевые акты почти всегда являются частью коммеморативных практик. С точки зрения семиотического подхода Ю. М. Лотмана символ всегда представляет собой некоторый текст, который «обладает некоторым единым замкнутым в себе значением и отчетливо выраженной границей, позволяющий ясно выделить его из окружающего

¹ Речевые акты чешских политиков в отношении Германии. Составлено автором [Электронный ресурс]. URL: https://docs.google.com/spreadsheets/d/e/2PACX-1vRV8gucozrt_WjfiGijXL6x9dZEYxdx-vv53ANQZXWafM5vqClANwgKeAUoA4PxFYg0BXSmG2pGSf/pubhtml (дата обращения: 20.04.2024).

семиотического контекста» (Лотман, 1987: 193). При этом именно символы выступают механизмом памяти культуры (Лотман, 1987: 192).

В приведенном ниже эмпирическом анализе выделяются основные символы, связанные с образами прошлого (например, образ Гитлера), а также языковые конструкции (например, противопоставление Германии прошлого и будущего), используемые представителями чешской политической элиты в своих речевых актах.

Поскольку данная методология ограничивает поле исследования только исторической памятью, принадлежащей представителям чешской политической элиты, дополнительно также используются для анализа опросы общественного мнения, представленные Центром, и опросы общественного мнения Института социологии Чешской академии наук. Основными источниками выступают интервью, стенограммы заседаний парламента, пресс-подходов, официальные речи и публицистические источники президентов, членов правительства и членов парламента Чехии (до 1993 г. – Чехословакии).

Политика памяти в Центральной и Восточной Европе

Для исторической политики стран Центральной и Восточной Европы характерен тренд виктимизации, осмысление себя через выбор позиции жертвы коммунизма или нацизма (Миллер, 2016; Vermeersch, 2019), а не через осмысление собственных грехов, как, например, в случае Германии. Нарратив неза заслуженного страдания становится доминирующим, а историческая политика, в частности практики коммеморации, – одним из основных инструментов политики идентичности (Семененко, 2018).

Кроме того, в ключевом вопросе для европейской политики памяти, складывающейся в период «изоляции» коммунистических стран Европы от Запада (Миллер, 2016), – памяти о холокосте, центральном элементе в процессе европеизации памяти (Subotić, 2023), и о Второй мировой войне – страны Центральной и Восточной Европы не разделяют общего подхода к ней как к «хорошей войне», где ключевой была борьба с нацизмом. Наоборот, страны Центральной и Восточной Европы выступают против примирения с общеустоявшейся европейской позицией и требуют внимания к собственной версии исторической памяти, где ключевое место уделяется последовательным двум оккупациям – нацистской и советской (Mälksoo, 2009).

В целом их объединяет и память о более удаленном прошлом – крушении многонациональных империй, и специфическое влияние Второй мировой войны, так как в регионе более масштабно отпечатались геноцид и насильственные перемещения населения, близость жертв и преступников, и провал существования многонациональных государств, и стремление к европейской интеграции (Krawatzek, Soroka, 2022). Также для большинства стран региона чаще характерны «войны памяти», например в Польше, Румынии, Венгрии, странах Балтии и других, характеризующиеся «раздробленностью» режимов памяти (мнемонической карты) или, наоборот, полным единством (как, например, в Болгарии, Боснии и Герцеговине, Германии, Черногории и др.).

Однако существующие институты памяти в странах региона руководствуются именно антитоталитаризмом (Dujisin, 2021). Основным врагом при этом в постсоциалистических и постсоветских странах, в связи с общим нарративом «возвращения в Европу», становится Россия – и самостоятельно (как в случае Польши), и как наследница коммунистического режима (Ачкасов, 2013).

Чешская политика памяти

Чехия следует описанному алгоритму фокусирования на исторических травмах и виктимизации себя. Например, травма, якобы нанесенная коммунистическим режимом, служила опорой для идентичности в строительстве нового государства (Eyal, 2004), а Россия до сих пор остается одним из основных «направлений» чешской политики памяти как инструмента внешней политики. Повлияли на ее политику памяти и факторы вхождения в многонациональные империи, и распад многонационального государства – Чехословакии.

При этом в Чехии практически нет крупных этнических меньшинств, вступающих в противостояние с официальной политикой памяти. Существующие разные видения прошлого не становятся причиной раздробленности режимов памяти (Kubik, Bernhard, 2014).

Для Чехии характерен специфический опыт проживания геноцида и в большей степени – масштабных перемещений населения, во-первых, из-за того, что Протекторат Богемии и Моравии де-факто не обладал суверенитетом, в отличие от большинства стран Центральной и Восточной Европы в нацистский период (включая Словакию); во-вторых, из-за судьбы судетских немцев, где насильственное перемещение было инициировано самим чешским государством. Более того, в случае памяти о Второй мировой войне одной из главных травм для чешской нации являлся Мюнхенский сговор 1938 г. и последующие события (Abrams, 2004: 106; Cashman, 2008: 1646), выступающий одним из основных в исторической политике Чехии именно в отношении Германии.

При этом для Чехии в целом характерны антивеликодержавные настроения, что обуславливается также и 1968 г. («Пражской весной» и ее подавлением); различия же в восприятии политической элиты касаются лишь того, какая великая держава более опасна (включая основные державы ЕС: Германию, Францию и Великобританию) (Beneš, Harnisch, 2015).

Сегодня в политике памяти Чехии в отношении Германии можно наблюдать пример ситуации, демонстрирующий постепенное преодоление травмы при условии ее сохранения как части политики идентичности, что представляет собой нечастое явление в политике памяти стран Центральной и Восточной Европы (особенно с учетом спорного вопроса судетско-немецкого меньшинства и его перемещения, долгое время сохранявшегося в чешско-немецких отношениях и чешской европейской политике).

Образ Германии в дискурсе чешских политических элит

Историческая память оказывала значимое влияние на чешско-немецкие отношения после «бархатной революции» в Чехословакии и объединения Германии. Для анализа трансформации образа Германии были выбраны три временных периода, ограниченных значимыми как для развития чешской государственности в целом, так и конкретно для чешской исторической политики в контексте отношений с Германией датами: 1989–1999, 1999–2004 и 2004–2023 гг.

Первый период ограничивается 1989–1999 гг., что обусловлено, с одной стороны, «бархатной революцией», с другой – вступлением в НАТО (из-за перехода отношений Чехии и Германии в статус военных союзников). Этот период включал в себя значимые этапы в чешско-немецких отношениях: первые визиты президентов, заключение договора между Чешской Республикой и Германией Чешско-немецкой декларации в 1997 г., вызвавшей множество обсуждений в парламенте и высказывания представителей правительства и президента В. Гавела.

В рамках обсуждения Чешско-немецкой декларации 1997 г. в нижней палате чешского парламента в 1995 и 1997 гг. основные символы, встречающиеся в речах чешских депутатов, являлись негативными: фашизм (главный символ, ассоциированный с Германией), Мюнхенский сговор, судетские немцы как угроза, немецкий реваншизм. Присутствовали и нарративы о более ранних отношениях между народами, в которых чехи занимали подчиненное положение: например, депутат Ян Вик (ультраправая Ассоциация за республику – Республиканская партия Чехословакии) в своем выступлении подчеркивал, что «так называемое сосуществование чехов и немцев на протяжении всей истории вплоть до XX в. в основном характеризовалось конфликтами и последующей оккупацией»², его однопартиец Олдржих Врха – что «наши народы чехов, моравцев и силезцев веками находились под игом господства немецкой нации»³. Выражает сомнения, анализируя историю XVIII–XX вв., и Татьяна Ирусова (Коммунистическая партия Чехии и Моравии): «Давайте спросим себя: было ли оно столь плодотворным и мирным, как пытаются изобразить декларации?»⁴.

При этом правящее большинство поддерживало обратный нарратив, направленный на примирение чехов и немцев и использующий символы с позитивной коннотацией – например, историю примирения во второй половине XX в. Депутат Иржи Карась (Христианско-демократический союз – Чехословацкая народная партия) выразил, что «Пятьдесят лет мы учимся находить путь к взаимному примирению»⁵. Поддерживался позитивный дискурс и президентом

² PČR, PS 1996-1998, 8. schůze, část 61/114 (13. 2. 1997). URL: <https://www.psp.cz/eknih/1996ps/stenprot/008schuz/s008061.htm> (accessed 20 April 2024).

³ PČR, PS 1996-1998, 8. schůze, část 59/114 (13. 2. 1997). URL: <https://www.psp.cz/eknih/1996ps/stenprot/008schuz/s008059.htm> (accessed 20 April 2024).

⁴ PČR, PS 1996-1998, 8. schůze, část 49/114 (12. 2. 1997). URL: <https://www.psp.cz/eknih/1996ps/stenprot/008schuz/s008049.htm> (accessed 20 April 2024).

⁵ PČR, PS 1996-1998, 8. schůze, část 48/114 (12. 2. 1997). URL: <https://www.psp.cz/eknih/1996ps/stenprot/008schuz/s008048.htm> (accessed 20 April 2024).

Чехии В. Гавелом. Оценивая всю историю отношений между чехами и немцами, он подчеркивал, что «в этой долгой истории (*чешско-немецких отношений*. – *Прим. автора*) преобладали отношения взаимного плодотворного влияния и хорошего сотрудничества»⁶.

В целом основные символы могут быть представлены в виде графа (рис. 1)⁷, где ребра выстраивались исходя из их связи друг с другом в случае хотя бы однократной повторяемости связи.

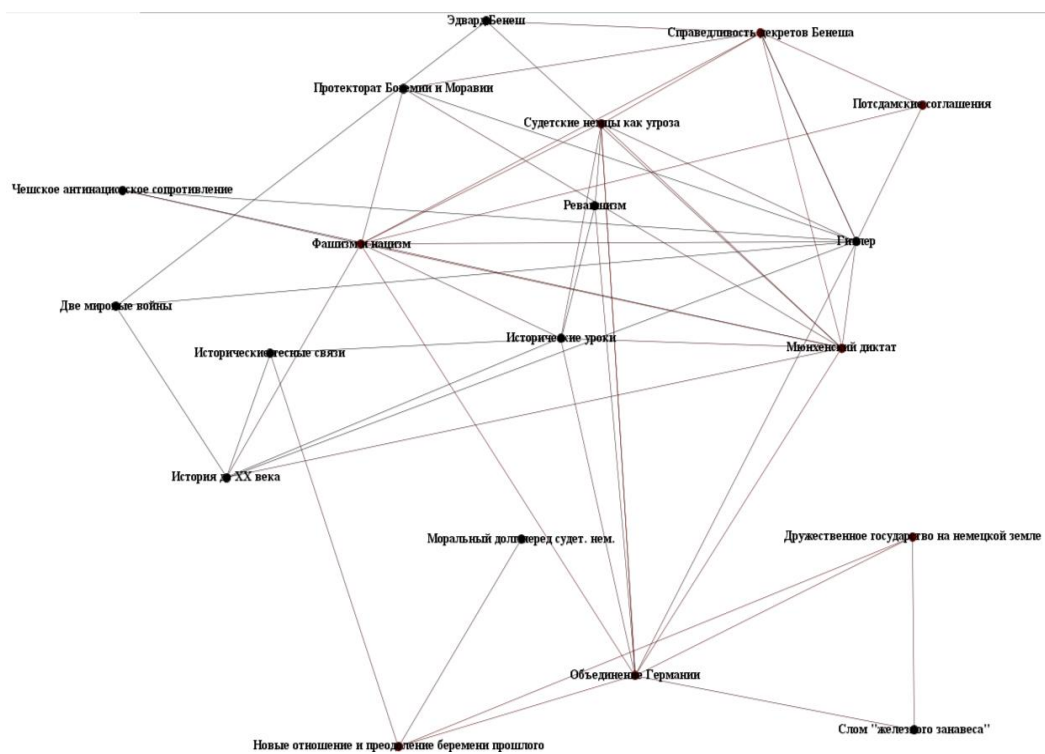

Рис. 1. Символическая система в 1989–1999 гг.

Исходя из рисунка, можно сделать вывод, что одни и те же образы, например образ объединенной Германии, имели как негативную, так и позитивную коннотацию из-за сочетаемости с противоположными по значению образами, например реваншизмом с одной стороны и сломом «железного занавеса» в Европе (начавшимся после объединения Германии) – с другой. Такой же полярностью обладает проблема судетских немцев и декретов Бенеша – одна из центральных в рассматриваемый период 1989–1999 гг. и основная в дискуссии о Чешско-немецкой декларации 1997 г., сопряженная и с возможной угрозой и повторением ситуации «Мюнхенского диктата», и с моральным долгом из-за перемещения немцев. Так, образ Германии в исторической памяти был ассоциирован с негативными символами, однако они существовали в рамках двойственного нарратива: направленного на «проживание» и преодоление исторической травмы, поддерживаемого в правящей партии и президентом, и направленного на поддержание страха и угрозы перед Германией (среди крайне правых и левых политиков).

Следующий период анализа образа Германии определяется 1999–2004 гг. – вступлением Чехии в НАТО и ЕС. Можно увидеть (рис. 2), что большинство существовавших еще в 1990-е гг. символов, имеющих негативную окраску (например, Гитлер, угроза судетских немцев, необходимость учета уроков прошлого), перестали использоваться представителями чешской политической элиты. Это обусловлено не только очевидной причиной (военная угроза национальной безопасности Чехии от Германии стала невозможна после вступления страны в НАТО). Дополнительными факторами стало, во-первых, то, что

⁶ Rozhovor prezidenta republiky Václava Havla pro německý deník Frankfurter Allgemeine Zeitung 14. dubna 1993. Knihovna Václava Havla.

⁷ Для выделения основных узлов в дискурсе использовался контент-анализ с ручным способом кодирования: в одну категорию попадали все лексические формы, имеющие семантическую схожесть, то есть имеющие отношение к определенному историческому образу, используемому в качестве символа (например, в категорию «Мюнхенский диктат» попадали в том числе понятия «Мюнхенский сговор», описание событий и т. д.). Например, все ссылки на историю отношений с VIII в. в основном включают их последовательное описание, высказывающееся либо с коннотацией описания тесных исторических связей, либо – в контексте процесса германизации чешской нации.

вопрос судетских немцев, проблема декретов Бенеша стали меньше подниматься именно в контексте отношений с Германией и, как уже упоминалось, со стороны официальных лиц (хотя сохранились, например, в отношениях с Австрией) (Трухачев, 2019); во-вторых, сократилась активность организаций судетских немцев, которая также становилась причиной дискуссий ранее.

Кроме того, возникли новые символы – например, единого европейского государства (именно как части чешско-немецких отношений), которые при этом нашли связь и с существовавшими ранее.

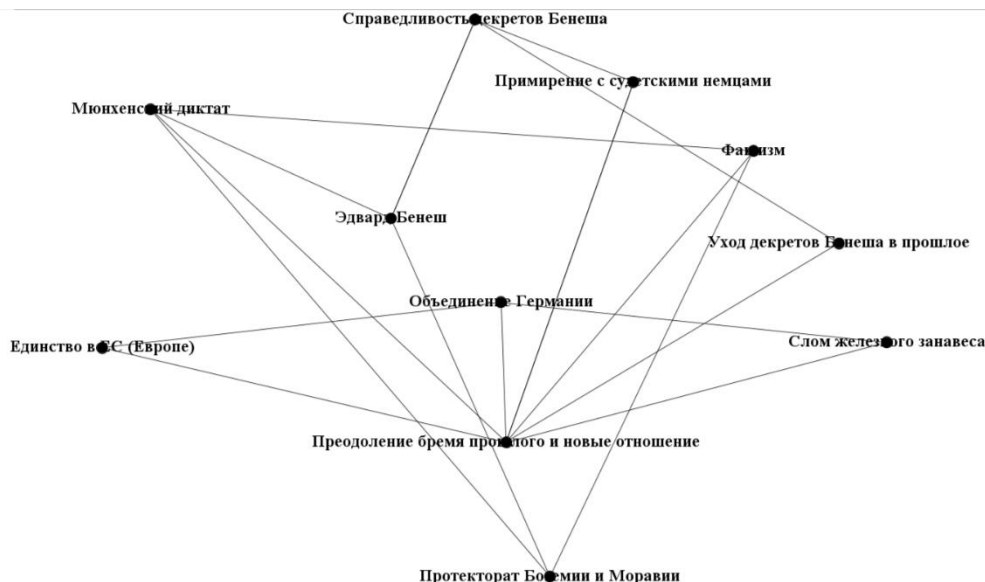

Рис. 2. Символическая система в 1999–2004 гг.

Следующий период, выбранный для анализа, ограничен 2004 г. и настоящим временем. Для него характерно сокращение обсуждений исторических вопросов в контексте отношений с Германией, начавшееся еще в 2000-х гг. и пришедшее к тому, что они практически перестали встречаться после начала пандемии, а затем – конфликта между Россией и Украиной, что мы связываем с необходимостью мобилизации общества для борьбы с начала с угрозой пандемии, затем – с потенциальной российской.

Однако, несмотря на снижение интенсивности «спора» об истории между Чехией и Германией, в этот же период активизируется мемориальная и коммеморативная политика Чехии в целом, что отражается в участившемся открытии памятников, проведении мемориальных митингов и мероприятий (например, в связи с годовщинами, связанными с событиями Второй мировой войны в 2005 г., включая разорение Лидице и деревни Лежаки). Именно в этот период совершается символический жест немецкого президента Гаука в виде посещения Лидице – чешской деревни, разоренной нацистами, что стало важной символической частью развития чешско-немецких отношений в области исторической политики.

При этом символическое значение приобретает революция 1989 г. как причина изменения отношений с Германией. Б. Сobotка (премьер-министр Чехии) во время поездки в Германию в 2014 г. сказал, что «15 марта в Чехословакии на протяжении многих лет было днем особой ненависти ко всему немецкому. Нам нужна была свобода, чтобы еще раз осознать ценность сотрудничества и компромисса и перестать рассматривать ненависть как поддержку»⁸.

Символическое значение начала приобретает и Чешско-немецкая декларация 1997 г. Она становится символом, закрывающим в чешско-немецких отношениях события Второй мировой войны. Это, например, отразилось в отказе премьер-министра М. Тополанека в 2008 г. от предложения Германии о создании центра памяти о перемещении меньшинств в Европе: «Чешско-немецкие исторические отношения, связанные со Второй мировой войной, были окончательно

⁸ Česko chce být u evropské integrace, Merkelová Sobotku chválí. ČT 24. 13.03.2014. URL: <https://ct24.ceskatelevize.cz/clanek/svet/cesko-chce-byt-u-evropske-integrace-merkelova-sobotku-chvali-327862> (accessed 20 April 2024).

названы и закрыты декларацией в 1997 г.»⁹. Декларация сама становится одним из основных символом ухода разногласий по поводу судетских немцев и их имущества в прошлое (рис. 3).

Рис. 3. Символическая система в 2004–2023 гг.

При этом проблема судетских немцев теряет актуальность. Вероятно, это связано с ее постепенной деполитизацией и превращением в общую рамку для общения между народами (Kunštát, 2007). После подписания Чешско-германской декларации в 1997 г. вопрос судетских немцев и декретов Бенеша не поднимался Германией в официальном дискурсе напрямую, лишь косвенно затрагивался с учетом вины Германии или поднимался исключительно на уровне Баварии, например Э. Штойбером (Трухачев, 2010).

Исчезает связь между Германией и строительством объединенной Европы (данный символ не встречается ни в одном из проанализированных источников этого периода). На наш взгляд, это связано, во-первых, с отсутствующей необходимостью мобилизации чешского общества для вступления в ЕС; во-вторых, с разногласиями с ЕС по поводу Лиссабонского договора; в-третьих, с растущим евроскептицизмом (как минимум в лице президента В. Клауса). Это косвенно подтверждается и тем, что в связи с Мюнхенским сговором начинает упоминаться еще и предательство западных держав – Англии и Франции. При этом более часто начинает встречаться общий для Европы символ холокоста, что связано с уже упомянутой общей активизацией исторической политики.

При этом символы, ассоциированные с Германией и событиями именно чешско-немецкого прошлого, часто актуализировались в контексте других событий настоящего, например чешско-российских отношений и действий НАТО¹⁰. Тем не менее можно сделать вывод, что тема немецкой угрозы после вхождения Чехии в блок НАТО, а затем в ЕС стала менее дискутируемой в связи с возникновением именно союзнических отношений. Однако это не объясняет «исчезновения»

⁹ Premiér Mirek Topolánek odmítl německý návrh na zřízení střediska připomínajícího vysídlování menšin v Evropě (2008). Vlada ČR. 26 (3). URL: <https://vlada.gov.cz/cz/media-centrum/aktualne/premier-mirek-topolane-odmitl-nemecky-navrh-na-zrizeni-strediska-pripominajiciho-vysidlovani-mensin-v-evrope-33137/> (accessed 20 April 2024).

¹⁰ Например, во время дискуссии о размещении ракет ППО в Чехии заместитель председателя палаты депутатов Л. Заоралек указывал на дискурс министра обороны о возможной угрозе из России и Германии в силу исторического прошлого: см. PČR, PS 2006-2010, 30. schůze, část 245 (7. 5. 2008). URL: <https://www.psp.cz/eknih/2006ps/stenprot/030schuz/s030245.htm> (accessed 20 April 2024).

исторической политики в ее антагонистической форме и сохранение «негативных» символов исторической памяти по отношению к Германии.

Использование «негативных» символов, связанных с Германией, оставшихся в исторической памяти чехов, становится повесткой чешской внутренней исторической политики.

С внешнеполитической точки зрения это было обусловлено отсутствием попыток Германии оспаривать чешский подход к истории и разделяемого обеими странами осмысления общего прошлого (одним из ключевых факторов, которым стало покаяние Германии за период нацистской оккупации Чехии¹¹) и ориентацией на будущее, выражением чего была Чешско-немецкая декларация. Отразилось это союзническое отношение к Германии и в общем ее позитивном восприятии чехами: с 2005 по 2021 г., по данным Центра опросов общественного мнения Института социологии Чешской академии наук, положительно к Германии было настроено более 80 % чехов¹².

Сохранение негативной исторической памяти о Германии и немцах во внутривнутриполитической повестке связано прежде всего с активной политикой идентичности, проводимой чешскими элитами своей национальной идентичности. Идентичность – это определение себя прежде всего по отношению к «иному» (Семенов, 2008). Историческая память при этом играет ключевую роль в процессе ее формирования. История отношений Чехии и Германии, ближайших соседей и при этом вечных жертвы и «врага», дает основания для того, чтобы искать свою «самость» и современную независимость как нации именно с помощью исторической памяти о Германии, что и используется чешскими политиками. Кроме того, память о нацистской оккупации является одной из основных в концепции Чехии как жертвы «двух тоталитаризмов» – основы чешской политики памяти в соответствии с ее институтами, которые также являются именно внутривнутриполитическим явлением.

Этими же процессами объясняется и общая активизация политики памяти в Чехии в конце 2000–2010-х гг. в связи с необходимостью не только экономического и политического становления страны как независимой, но и как самостоятельной, самобытной нации. Логично, что историческая повестка внутри страны особенно актуализируется после завершения всех интеграционных процессов, что также соответствует последующему стремлению Чехии не просто «вернуться» в Европу, частью которой является и Германия, но и попыткам повышения своей роли и статуса на уровне региона Центральной и Восточной Европы и в рамках ЕС.

Таким образом, политика памяти в отношении Германии и место Германии в исторической памяти чехов претерпели значительную трансформацию, которую можно разделить на три основных этапа. Первый из них ознаменовался сохранением восприятия немцев (особенно в контексте судетско-немецкой проблемы и декретов Бенеша) в качестве потенциальной угрозы для национальной безопасности Чехии, второй – сопряжением изменения Германии и преодоления прошлого с развитием европейской интеграции, третий – окончательным уходом «немецкого прошлого» в область внутренней политики памяти. Эти процессы в свою очередь стали частью процесса примирения с Германией, приведшего в итоге к преодолению исторических травм. При этом сохранение проблем исторической памяти о Германии на внутривнутриполитическом уровне связано с процессами формирования национальной идентичности, устойчивость которой в восприятии Чехии себя влияет на ее самопрезентацию на международной арене.

¹¹ Например, во время визита президента ФРГ Й. Гаука президент Чехии В. Клаус подчеркивал, что особо ценит посещение немецким президентом Лидице – «места, символизирующего трагическое прошлое» – с целью «почтить память жертв нацистского террора»: см. *Projev prezidenta při obědě u příležitosti návštěvy prezidenta SRN Joachima Gaucka*. Václav Klaus. URL: <https://www.klaus.cz/clanky/3206> (accessed 20 April 2024).

¹² Hanzlová R (2021) *Občané o vztazích ČR s některými zeměmi – listopad/prosinec*. URL: <https://cvvm.soc.cas.cz/tiskove-zpravy/politicke/mezinarodni-vztahy/5532-obcane-o-vztazich-cr-s-nekterymi-zememi-listopad-prosinec-2021> (accessed 20 April 2024).

Список литературы / References

- Ачкасов, В. А. (2013) "“Политика памяти” как инструмент строительства постсоциалистических наций”, *Журнал социологии и социальной антропологии*, 16 (4), сс. 106–123. [Achkasov V. A. “Memory politics” as a tool for building post-socialist nations’ [“Politika pamuyati” kak instrument stroitel’stva postsocialisticheskix nacij], *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 16 (4), pp. 106–123. (In Russ.)].
- Лотман, Ю. М. (1987) ‘Символ в системе культуры’ в: *Избранные статьи*, сс. 191–199. [Lotman, Yu. (1987) ‘Symbol in the cultural system’ [Simvol v sisteme kul’tury] in: *Izbrannyye stat’i*, pp. 191–199. (In Russ.)].
- Малинова, О. Ю. (2014) ‘Консерваторы и инфраструктура” коллективной памяти: проблема репертуара политически пригодного прошлого’, *Тетради по консерватизму*, (3), сс. 140–156. [Malinova O. (2014) ‘The Conservatives and Collective Memory: Cultivating a Repertoire of Politically Usable Past’ [Konservatory i “infrastruktura” kollektivnoy pamuyati: problema repertuara politicheskii prigodnogo proshlogo’], *Tetrady po konservativizmu*, (3), pp. 140–156. (In Russ.)].
- Малинова, О. Ю., Миллер, А. И. (2021) ‘Введение. Символическая политика и политика памяти’ в: Лапина В. В., Миллер А. И. (ред.) *Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе*. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, сс. 7–37. [Malinova, O., Miller, A. (2021) ‘Introduction. Symbolic politics and the politics of memory’ [Vvedenie. Simvolicheskaya politika i politika pamuyati] in: Lapina V. V., Miller A. I. (ed.) *Symbolic aspects of the politics of memory in modern Russia and Eastern Europe*. St. Petersburg: Izdatelstvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, pp. 7–37. (In Russ.)].
- Миллер, А. И. (2016) ‘Политика памяти в посткоммунистической европеи ее воздействие на европейскую культуру памяти’, *Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз»*, 1 (80), сс. 111–121. [Miller, A. I. (2016) “The politics of memory in post-communist Europe and its impact on the European culture of memory” [Politika pamuyati v postkommunisticheskoy Evrope i ee vozdeystvie na evropejskuyu kul’turu pamuyati], *The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia*, 1 (80), pp. 111–121. (In Russ.)].
- Поцелуев, С. П. (1999) ‘Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме’, *Полис. Политические исследования*, 5, сс. 62–75. [Poceluev, S. P. (1999) ‘Symbolic politics: a constellation of concepts for approaching the problem’ [Simvolicheskaya politika: konstellyaciya ponyatij dlya podhoda k probleme], *Polis. Political Studies*, 5, pp. 62–75. (In Russ.)].
- Семенов, И. С. (2008) ‘Образы и имиджи в дискурсе национальной идентичности’, *Полис. Политические исследования*, 5, сс. 7–18. [Semenenko, I. S. (2008) ‘Images and images in the discourse of national identity’ [Obrazy i imidzhi v diskurse nacional’noj identichnosti], *“Polis. Political Studies” Journal*, 5, pp. 7–18. (In Russ.)].
- Семенов, И. С. (2018) ‘Прошлое на переднем крае политики идентичности’, *Мировая экономика и международные отношения*, 62 (11), сс. 65–76. [Semenenko, I. S. (2018) ‘History on the frontline of identity politics’ [Proshloe na perednem krae politiki identichnosti], *World Economy and International Relations*, 62 (11), pp. 65–76. (In Russ.)]. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-11-65-76.
- Трухачев, В. В. (2019) ‘Выселение судетских немцев и современные отношения Чехии и Австрии’, *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения*, (1), сс. 31–44. [Trukhachev, V. V. (2019) ‘Eviction of the Sudeten Germans and modern relations between the Czech Republic and Austria’ [Vyselenie sudetskih nemcev i sovremennyye otnosheniya Chekhii i Avstrii], *RSUH/RGGU Bulletin Series “Political Science. History. International Relations”*, (1), pp. 31–44. (In Russ.)]. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-1-31-44.

- Трухачёв, В. В. (2010) 'Декреты Бенеша: Мина замедленного действия для ЕС?', *Современная Европа*, 3, сс. 96–109. [Truhachyov, V. V. (2010) 'Benesh' decrees: A time bomb for the EU?' [Dekrety Benesha: Mina zamedlennogo dejstviya dlya ES?], *Contemporary Europe*, 3, pp. 96–109. (In Russ.)].
- Abrams, B. F. (2004) *The struggle for the soul of the nation: Czech culture and the rise of communism*. Lanham: Rowman & Littlefield.
- Beneš, V., & Harnisch, S. (2015) 'Role theory in symbolic interactionism: Czech Republic, Germany and the EU', *Cooperation and Conflict*, 50 (1), pp. 146–165. DOI: 10.1177/0010836714525768.
- Cashman, L. (2008) 'Remembering 1948 and 1968: reflections on two pivotal years in Czech and Slovak history', *Europe-Asia Studies*, 60 (10), pp. 1645–1658. DOI: 10.1080/09668130802434281.
- Dujisin, Z. (2021) 'A history of post-communist remembrance: from memory politics to the emergence of a field of anticommunism', *Theory and Society*, 50 (1), pp. 65–96. DOI: 10.1007/s11186-020-09401-5.
- Edelman, M. (1960) 'Symbols and political quiescence', *American Political Science Review*, 54 (3), pp. 695–704.
- Eyal, G. (2004) 'Identity and trauma: Two forms of the will to memory', *History & Memory*, 16 (1), pp. 5–36. DOI: 10.2979/HIS.2004.16.1.5.
- Kopstein, J. S. (1997) 'The politics of national reconciliation: Memory and institutions in German-Czech relations since 1989', *Nationalism and Ethnic Politics*, 3 (2), pp. 57–78. DOI: 10.1080/13537119708428502.
- Kubik, J., & Bernhard, M. (2014) 'A Theory of the Politics of Memory' in: Kubik, J., & Bernhard, M. (eds.) *Twenty years after communism: The politics of memory and commemoration*, pp. 7–37.
- Kunštát, M. (2007) 'The New German Government and the Moral-Historical Dimension of Czech-German Relations', *Czech Journal of International Relations*, 42 (1), pp. 48–65.
- Krawatzek, F., Soroka, G. (2022) 'Circulation, conditions, claims: examining the politics of historical memory in Eastern Europe', *East European Politics and Societies*, 36 (1), pp. 198–224. DOI: 10.1177/08883254209697.
- Mälksoo, M. (2009) 'The memory politics of becoming European: The East European subalterns and the collective memory of Europe', *European journal of international relations*, 15 (4), pp. 653–680. DOI: 10.1177/1354066109345049.
- Subotić, J. (2023) 'Holocaust memory and political legitimacy in contemporary Europe', *Holocaust Studies*, 29 (4), pp. 502–519. DOI: 10.1080/17504902.2022.2116539.
- Tampke, J. (2002) *Czech-German relations and the politics of Central Europe: from Bohemia to the EU*. New York: Springer.
- Vermeersch, P. (2019) 'Victimhood as victory: The role of memory politics in the process of de-Europeanisation in East-Central Europe', *Global Discourse*, 9 (1), pp. 113–130. DOI: 10.1332/204378918X15453934506003.
- Wingfield, N. M. (2000) 'The politics of memory: Constructing national identity in the Czech lands, 1945 to 1948', *East European Politics and Societies*, 14 (2), pp. 246–267.

Статья поступила в редакцию: 30.04.2024

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 13.07.2024

Статья принята к печати: 30.10.2024

**TRANSFORMATION OF THE IMAGE OF GERMANY
IN THE CZECH REPUBLIC'S POLITICS OF MEMORY IN 1989-2023**

V. Gatskovskaya

Varvara Gatskovskaya, research intern, scientific and educational laboratory of political geography and modern geopolitics,
National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia.
E-mail: gatskovskaya10@yandex.ru (ORCID: 0000-0002-8536-3542. ResearcherID: HJA-8290-2022).

Abstract

The study of the politics of memory as an instrument of foreign policy is a current area of political science. The article analyzes the politics of memory of the Czech Republic in the context of its relations with the FRG from 1989 to 2023 and in comparison with the politics of memory regarding Russia. Based on a symbolic analysis of a corpus of texts by Czech politicians (representatives of the executive and legislative branches of government during the respective periods), the conclusion is drawn that from the negative perception of Germany as a threat in the 1990s and the active use of politics of memory in bilateral relations, the image of the past of Czech-German relations moved into the realm of domestic politics. The politics of memory towards Russia, on the other hand, exploited the image of the Soviet or Russian threat throughout the entire period, despite the existing contradictions in the perception of Russia at the level of Czech society. The politics of memory changed its character from antagonism to agonism in the case of Germany, which was due to the overcoming of historical trauma, and retained its antagonistic character in the case of Russia, whose trauma continues to be a part of bilateral relations.

Keywords: politics of memory; historical memory; Czech Republic; Czech-German relations; historical symbols; historical narratives.